

УДК 303

ФЕРНАН БРОДЕЛЬ И СТАНОВЛЕНИЕ ГЕОИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА В ИССЛЕДОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

А.Н. Демьяненко, Л.А. Дятлова, В.Н. Украинский

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: demyanenko@ecrin.ru.

Дятлова Любовь Александровна – кандидат географических наук, доцент. Тихоокеанский государственный университет, ул. Тихоокеанская, 136, Хабаровск, Россия, 680035. E-mail: demyanenko@ecrin.ru.

Украинский Вадим Николаевич – старший преподаватель. Тихоокеанский государственный университет, ул. Тихоокеанская, 136, Хабаровск, Россия, 680035. E-mail: schtirl@pochtamt.ru.

Первоочередной задачей
сегодня оказывается
сближение социальных наук
Ф. Бродель [2, с. 116]

В очерке дан анализ той части научного наследия Ф. Броделя, которая посвящена становлению геоисторического метода как методологической платформы, позволяющей в том числе осуществить идеи междисциплинарного синтеза при исследовании экономического пространства. Особое внимание уделено анализу содержания монографии «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II», которая является знаковой работой не только для исторической, но и экономической науки, так как в ней впервые дано обоснование геоисторического метода.

Ф. Бродель, геоистория, геоисторический метод, экономическое пространство, пространственная экономика, междисциплинарный синтез, Средиземноморье.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая статья – своего рода «продолжение»¹ работы, посвященной оценке вклада представителей школы «Анналов» в изучение экономическо-

© Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А., Украинский В.Н., 2013

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 13-02-00011а.

¹ Речь идет о статье авторов «Школа «Анналов» и ее вклад в исследование экономического пространства» [15], в которой была предпринята попытка выявить и оценить вклад основателей школы «Анналов» – Марка Блока и Люсьена Февра в изучении пространственных проявлений экономической деятельности.

го пространства, несомненным лидером которой является Фернан Бродель. Особое внимание к творческому наследию Ф. Броделя обусловлено тем обстоятельством, что в его работах наиболее были сильны «пространственные мотивы»¹.

Более того, именно Ф. Броделю удалось сформулировать ряд методологических положений, которые могут быть бесполезны и для пространственной экономики. Речь идет о геоисторическом методе, который, по мнению авторов, обладает немалыми эвристическими возможностями в качестве методологической платформы для реализации междисциплинарного синтеза при исследовании взаимодействия пространственных проекций общественного развития².

СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ МИР И ГЕОИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД

Исследовать пространство экономики в работах Ф. Броделя можно по-разному, авторам представляется вполне оправданным идти вслед за Ф. Броделем, последовательно рассматривая этот сюжет в трех его фундаментальных монографических исследованиях: «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» [6–8], «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» [3–5] и «Что такое Франция?» [9]. Но прежде напомним слова Л. Февра из рецензии «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II»: «Дать о ней представление немислимо. Прочитав ее один раз, даже внимательно, нельзя исчерпать ее богатства» [23, с. 176], которые справедливы и в отношении других трудов Ф. Броделя.

По этой причине авторы посчитали возможным ограничиться анализом только первой трилогии: «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» (далее – Средиземноморье) – и только одним сюжетом: становление геоисторического метода и определение возможной сферы его применения в контексте междисциплинарных исследований пространственных проявлений экономической деятельности.

Исходный пункт анализа – оценка влияния внешней среды, или, иначе, физико-географической обстановки, на формирование границ Средизем-

¹ Неслучайно редакционное предисловие к тематическому выпуску журнала «Анналы», посвященному пространственным аспектам экономической истории, Б. Лепти назвал «Пространство и история. Памяти Фернана Броделя» [25].

Конечно, Ф. Бродель не был первым ученым, затронувшим вопрос взаимодействия таких областей знания, как география, история и экономика. Например, еще в самом начале XX в. Х.Б. Джордж опубликовал работу под названием «Связи географии и истории» (*The Relations of Geography and History*), а Л. Февр в 1922 г. – «Земля и эволюция человека: географическое введение в историю» (*La terre et l'évolution humaine: introduction géographique a l'histoire*).

² Отметим, что авторы придерживаются точки зрения на пространственную экономику и ее место в междисциплинарном синтезе, которая представлена в работах [20; 21].

номорья как территориальной социально-экономической системы; далее – рассмотрение факторов физико-географических и социальных, обуславливающих целостность территориальной системы. Этим проблемам посвящена первая часть трилогии – «Роль среды» [6].

Во второй части – «Коллективные судьбы и универсальные сдвиги» [7] – рассматривается экономика Средиземноморья в самых различных ракурсах: связь экономики с демографическими процессами, движение цен, товарные и денежные рынки и многое другое. Наиболее значимы в контексте заявленной темы те разделы, которые посвящены исследованию пространственных проявлений экономической деятельности. Этот сюжет является сквозным: пространство – и физико-географическое и социальное (в том числе и экономическое) – постоянно переплетаются.

Третья часть – «События. Политика. Люди» [8], возвращая из сферы «тотальной истории» к традиционному, «событийному» пониманию истории, менее других интересна для целей нашего исследования¹.

Обращаясь к первой части «Средиземноморья», с красноречивым названием «Роль среды», отметим прежде всего следующее: «Она [география] помогает обнаружить медленнее всего меняющиеся структурные реалии и организовать обзор по самой бесконечно удаляющейся линии перспективы. География, которой мы можем задавать любые вопросы, как истории, отдает, таким образом, предпочтение почти неподвижной истории, при условии, разумеется, что та усваивает ее уроки, принимает ее классификацию и ее категории» [6, с. 29]. Здесь необходима одна ремарка: география у Ф. Броделя в данном случае – это география физическая.

Далее находим еще одно суждение о роли географического анализа в историческом исследовании: «...географическое рассмотрение долгосрочных периодов приводит нас к пониманию самых длительных процессов, которые знает история» [6, с. 117]. Этот тезис справедлив и в отношении социальных и экономических процессов (особенно, когда речь идет о разработке долгосрочных стратегий регионального развития).

Несмотря на то, что Ф. Бродель оперирует географической терминологией, он не географ, но и не историк, как ни парадоксально это прозвучит. Он тот, кто уже в своей первой большой работе закладывает основы геоистории, или, иначе, исторической географии. Но исторической географии не как

¹ Здесь нужно сделать маленькое отвлечение от интересующего сюжета. Ибо в среде профессиональных историков, как отечественных, так и зарубежных, есть не только почитатели «Средиземноморья», но и критики. В частности, есть такое мнение очень известного отечественного историка А.Я. Гуревича: «Построение книги о Средиземноморье представляется искусственным, а расчленение исторического времени на уровни – произвольным. Выделенные Броделем уровни действительности не связаны между собой, и предполагаемый характер подобной связи не намечен даже теоретически» [13, с. 519]. Так как авторы не являются профессиональными историками, они не считают вправе брать на себя роль судей.

вспомогательной исторической дисциплины, а как синтеза исторических и географических методов исследования территориальных образований, формирующихся и эволюционирующих на протяжении длительных периодов времени. Поэтому не случайно Л. Февр, в уже упоминавшейся рецензии, приходит к заключению: «Что касается метода, то здесь — подлинная революция» [23, с. 179].

Этот метод Ф. Бродель совершенствовал в последующем своем творчестве, применяя его к решению самых различных исследовательских проблем. Но всякий раз география остается способом по-новому прочесть, оценить, истолковать прошлое, независимо от того, идет ли речь о Франции или Средиземноморье, мировой экономике или отдельно взятом мире-экономике.

Удивительно, но именно этот метод вызвал явное неприятие у отечественных историков. Так, А.Я. Гуревич, для начала обвинив Ф. Броделя в неправомерном использовании моделей и «идеальных типов», вскрывает причины ошибок классика. И причины эти видятся А.Я. Гуревичу в том, что «структурализм, заимствованный из лингвистики и этнологии, где он применялся к языковым и символическим формам, к неосознанным феноменам коллективного поведения, перенесен Броделем в историческое исследование и превращен в универсальный инструмент объяснения. Но этот перенос небезопасен. Он приводит ко всеохватывающему, жесткому детерминизму и, как видим, отрицает человеческую свободу, не оставляя пространства для выбора и творчества» [13, с. 521–522; 12]. Отметим, что «структурализм» у Ф. Броделя первым или как минимум одним из первых обнаружил Дж. Хекстер еще в 1972 г. [24]. Все в той же негативной коннотации дожил «структурализм» до дней сегодняшних (см., напр., [1]).

А согласно жесткому, т. е. «броделевскому», детерминизму «...те пласты реальности, которые менее всего изменяются, — природно-географические условия — вместе с тем в наибольшей степени определяют человеческую жизнь. От них зависят экономика и социальная структура. Чем короче ритмы, которым подчинен тот или иной уровень действительности, тем в меньшей мере этот уровень оказывает свое воздействие на исторический процесс» [13, с. 522]. А.Я. Гуревич пеняет Л. Февру на то, что он прошел мимо броделевского детерминизма.

Центральный пункт критики А.Я. Гуревича: «...«геоистория» Фернана Броделя представляет собой сочетание экономического материализма с географическим детерминизмом. Под новым наименованием преподносится не такое уж оригинальное содержание — отрицание человеческой активности и инициативы, игнорирование роли сознания индивидов и групп в историческом процессе» [13, с. 524]. Судя по всему, А.Я. Гуревич знакомился с

какой-то другой книгой, другого автора, а не Ф. Броделя. Метод критики, избранный А.Я. Гуревичем, предельно прост: приписываем оппоненту, в данном случае Ф. Броделю, ему не свойственные «ошибки», а затем с ними успешно боремся. Найти в работе А.Я. Гуревича ссылки на текст Ф. Броделя, где бы тот грешил экономическим материализмом, а тем более географическим детерминизмом, авторам не удалось. Не удалось обнаружить не только в «Средиземноморье», но и в других работах Ф. Броделя «отрицание человеческой активности и инициативы, игнорирование роли сознания индивидов и групп в историческом процессе». Оценка А.Я. Гуревича «Средиземноморья» содержится в следующем итоговом пассаже: «Несмотря на поистине беспрецедентный успех, каким в свое время пользовалось «Средиземноморье», я вынужден констатировать: новизна темы, широта охвата материала, изобилие архивных богатств и литературное мастерство автора, вызывавшие эти восторги, не выдерживают испытания «большого времени», они не способны искупить «нищету философии» [13, с. 532]. Судя по всему А.Я. Гуревич погорячился.

В основе геоисторического метода Ф. Броделя лежит представление о том, что «пространство — реальность не только сегодняшняя, но и — в очень большой степени — вчерашняя» [9, с. 18]. Отметим, что это положение, по мнению авторов, справедливо в отношении пространства как географического, так и социального. Возможно, это намного лучше других понял и сформулировал Л. Февр: «...это поистине возведение Пространства в ранг действующего лица Истории. Пространства — поскольку оно оказывает влияние на государства; Пространства — поскольку оно влияет на экономику» [23, с. 183–184].

И при этом именно благодаря географии, как отмечает Ф. Бродель, «действительность предстает перед нами во всей своей густоте и протяженности, во всем многообразии составляющих ее явлений, которые следует мысленно разъединить, но для того, чтобы еще лучше понять, насколько тесно они связаны. География, занятая разом и настоящим и прошлым, освещает и объясняет как то, так и другое» [9, с. 20].

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ГЕОИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА

Теперь о тех результатах, которые представляют интерес с точки зрения понимания природы экономического пространства и взаимодействия его с природной средой и социальным пространством.

Вначале несколько слов о границах Средиземноморья, т. е. той территориальной системы, которая интересует Ф. Броделя прежде всего.

Поскольку Ф. Броделя, как и его старших соратников по школе «Анналов», интересовала тотальная история, не случайно при выделении границ территориальных образований во внимание брались не один фактор, а совокупность географических, политических, экономических, культурных и религиозных факторов. И именно это многообразие факторов, по мнению Ф. Броделя, способствует «складыванию однородного Адриатического мира. Границы этого мира повторяют контуры моря: в толще балканского континента они доходят до того места, где пролегает основной водораздел между латинским и греческим христианством. С другой стороны, на западе они образуют тонкую разграничительную линию по всему Апеннинскому полуострову с севера на юг» [6, с. 175].

Здесь невольно приходит аналогия с «естественными и культурно-историческими областями» П.П. Семенова, который много ранее, на рубеже XIX и XX столетий, выделял территориальные образования, называемые им «областями», также на основании как естественно-исторических, так и социальных факторов (см., напр., [22]).

Понимание природы границ территориальных образований в концепции Ф. Броделя по-прежнему не потеряло актуальности: «В самом деле, какие границы можно установить, когда речь идет не о растениях или о животных, рельефе или климате, но о людях, не стесняемых никакими рамками, преодолевающих все преграды? Средиземноморье (...) таково, каким его делают люди» [6, с. 237].

Это утверждение можно продолжить, как минимум, в двух направлениях: первое – люди делают не только Средиземноморье, но и Сибирь, и Урал, и Дальний Восток, и т. д.; второе – границы подвижны, потому что и Средиземноморье, и Сибирь, и Дальний Восток, и т. д., опять же, делают люди.

Далее Ф. Бродель обращает внимание на поляризацию экономического пространства Средиземноморья как территориальной системы, о чем свидетельствует следующий фрагмент: «...приморские поселки, являющиеся как бы ячейками одной сети, сами по себе не в состоянии вдохнуть жизнь в прилегающие участки моря: для этого требуется незаменимое участие большого города...» [6, с. 191]. И такие города были: Барселона на каталонском побережье, Марсель, Генуя, Рагуза и т. д. Более того, влияние метрополии распространялось не только на близлежащие поселения: чего стоит одна Венеция, которая доминировала во взаимоотношениях с портами Истрии, далматинского побережья и греческих островов в Эгейском море.

В рассуждениях о поляризации экономического пространства Ф. Бродель рассматривает в качестве своеобразных организаторов этого пространства не только города, но и обращает внимание на острова, отмечая: «Острова, расположенные на богатых морских путях, участвуют в становлении великих

связей. ...При этом экономика островов обычно испытывает потрясения, будучи не в состоянии противодействовать брошенному вызову...» [6, с. 202]. А затем переходит к рассмотрению не менее специфического типа экономики — экономики оазисов, которые, по его мнению, «в жизни людей играют роль миниатюрных плацдармов» [6, с. 209].

Обратим внимание на то, каким образом Ф. Бродель определяет границы Средиземноморья как территориальной системы, — через соотнесение Средиземноморья с другими столь же масштабными пространственными системами. Среди таких систем Ф. Бродель выделяет, как минимум, три: Сахара, Европа и, что достаточно неожиданно, Атлантический океан.

Наибольший интерес представляет анализ взаимодействия Средиземноморья и Европы, которое носит не фронтальный характер, а осуществляется во вполне определенных коридорах или перешейках. «В целом следует говорить, по меньшей мере, о четырех группах европейских стран, образующих континентальные перемычки по линии меридианов, о четырех исторических коридорах, каждый из которых имеет более или менее прочные связи с теплым морем, несущим богатство» [6, с. 263]. Это русский перешеек (от Балтики к Черному или Каспийскому морю), далее польский (от Балкан к Данцигу), еще западнее — германский и, наконец, французский перешеек (от Марселя до Руана).

Констатацией упомянутых выше перешейков дело не ограничивается. Оказывается, что эти пространственные образования не просто транспортные или даже транспортно-логистические коридоры, о которых так много и со вкусом пишут самые разные специалисты, начиная от транспортных строителей до геополитиков. В пределах этих перешейков имеется вполне сложившаяся система городов, каждый из которых принимает участие в организации экономической деятельности. Так, например, Данциг — конечная северная точка польского коридора — выступает в качестве посредника между, с одной стороны, «отсталой экономикой Польши и соседних регионов, которую город эксплуатирует», с другой — Амстердамом, который диктует ему свою волю» [6, с. 269].

Еще более сложной структурой отличается экономика германского перешейка, в пределах которого на экономические процессы существенное влияние оказывает природная среда. И наиболее наглядным примером такого влияния являются Альпы: «Именно Альпы демонстрируют пространственную геометрию, в которой соединяются разные типы общества, экономики различных этажей: у верхних пределов культурного ареала находятся отдельные хижины и деревни; в горных долинах — небольшие городки; вдоль русла прорезающих горную толщу рек — маленькие местечки, где иногда встречается лавка «ломбардца» и несколько ремесленных мастерских. Наконец, на окраинах гор, где движение бьет ключом, расположены города предгорий:

Женева, Базель или Цюрих, Зальцбург, Филлах или Клагенфурт ...Все это города-«посредники» между Севером и Югом...» [6, с. 280].

Безусловно, приведенное описание свидетельствует о «пространственной геометрии», но в не меньшей степени оно свидетельствует о своеобразной вертикальной поясности экономической деятельности в Альпах. И, в конечном счете, Альпы, как, несомненно, феномен физико-географический, оказали влияние на формирование специфической территориальной экономической структуры. А структуроформирующим процессом служил чисто альпийский кругооборот товаров, людей, животных, стад скота. С этим повседневным движением сливается другое, которое использует этих же людей и эти же средства для переходов с одной стороны горного хребта на другую. Такие переходы были бы невозможны без помощи целых деревень, занятых извозом и доставкой товаров и очень дорожащих своим выгодным соседством с торговыми путями. Причем, как правило, эти деревни (точнее, проживающее в них население), расположенные вдоль торговых путей, находились в постоянном взаимодействии, предполагавшим сотрудничество, что, в конечном счете, способствовало формированию социальных территориальных общностей.

Но упомянутое деловое сотрудничество было характерно не только для Альп и не только в связи с организацией транспортировки грузов. В это же время в пределах все того же германского коридора происходит формирование сетей комиссионной торговли, опиравшихся на систему партнерских отношений, что позволяло существенно снизить операционные затраты.

Рассмотренные перешейки обозначают основные направления средиземноморского влияния. А это означает, что влияние Средиземноморья на Север шло не широкими полосами, а «глубже всего проникают узкие меридиональные лучи, направленные вдоль больших торговых дорог и достигающие вместе с ними самых удаленных земель. И именно там приходится искать иной раз объяснения событий истории моря» [6, с. 299].

К этому можно добавить, что сейчас, когда количество публикаций, посвященных товарообороту между РФ и зарубежными странами, равно как и относительно интеграции экономики России в самые разные интеграционные группировки, приняло массовый характер, самое время обратить внимание на то, что:

- торгуют не государства, а фирмы и домохозяйства;
- торговля, как и интеграционные процессы, осуществляется не широким фронтом, а в достаточно узких коридорах;
- искать причины удач и неудач следует не в данных таможенной статистики, а в тех самых удаленных от таможен, да и от государственных границ, «землях».

ЕДИНСТВО ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ И ЕДИНСТВО СОЦИАЛЬНОЕ

Решение проблемы границ, а, в конечном счете, проблемы единства территориальных образований (возможно, точнее, систем), таких как Средиземноморье и не только, Ф. Бродель начинает с поиска физико-географического единства. Ход его мысли можно проиллюстрировать следующим фрагментом: «Этот мир с размытыми границами, густонаселенный и разнообразный ...представляет собой нечто единое благодаря живущим в нем людям, благодаря сплаву различных исторических пластов. Но нельзя сбрасывать со счетов и такой мощный объединительный фактор, действующий наряду с социальным, но на более тесном пространстве, как климат, решительно приводящий к общему знаменателю ландшафты и жизненные устои» [6, с. 322].

Здесь, конечно, можно не согласиться с будущим классиком с тем, что он чрезмерно акцентирует внимание на климате, в ущерб другим элементам природной среды. Но нельзя не согласиться с тем, что «в социальном плане климатическое единство влечет за собой многие другие последствия. Очень рано оно начинает готовить почву для утверждения схожих между собой аграрных цивилизаций» [6, с. 330]. Причем начало этого процесса, как правило, уходит в доисторические времена.

Если теперь на время выйти из Средиземноморского мира, то без большого труда можно обнаружить «миры», в пределах которых климатическое единство, или, шире, единство природных условий, готовило почву для аграрных цивилизаций, и не только аграрных. Примеров тому множество, но особенно яркие климатически обусловленные экономические «миры» находятся в арктической и экваториальной зонах.

Следующий шаг в анализе — это переход от влияния факторов природного характера (климата в первую очередь) к анализу факторов социальных. И здесь следует предоставить слово самому Ф. Броделю: «Перейти от средиземноморского пространства в собственном смысле, ограниченного климатическими рамками, к Средиземноморью в расширенном понимании, к которому тяготеет указанное пространство, означает перейти от некоей природной целостности к тому социальному целому. ...Это целое не является природной данностью и, точнее говоря, не вытекает из простого наличия Средиземного моря. Наличие моря подразумевает все, что ему приписывают — единство, средства передвижения, обмен, сближение, при условии, что люди прилагают соответствующие усилия, соглашаются заплатить требуемую цену. В то же самое время море означает и долгое время означало разобщение и преграду, которую следовало бы преодолеть» [6, с. 385].

А далее появляется метафора, намного опередившая представления французских, но уже не историков, а экономистов и социологов, об экономическом и, шире, социальном пространстве как силовом поле¹, узлами которого выступают города, а силовые линии отражаются в дорогах. Авторы очерка имеют в виду, прежде всего, следующий фрагмент: «Социальная целостность Средиземноморья заключается одновременно и в этом пространстве дорог, и пространстве городов, в этих силовых точках и линиях» [6, с. 387].

Ответ на вполне естественный вопрос — что обеспечивает взаимодействие этих силовых точек — для Ф. Броделя очевиден: товарный обмен, или рынок. «У каждого города есть свой рынок и свои дороги; жизнь города — движение» [6, с. 430]. Но жизнь города — это не только движение, это еще и разнообразие видов деятельности, находящихся в постоянном взаимодействии друг с другом. Такие города, как Венеция, Стамбул и ряд других отличались не только сложной структурой экономики, но и не менее сложной пространственной структурой. Поэтому характеристика Стамбула, данная Ф. Броделем: «Стамбул — это не просто город, а мегаполис, урбанистический монстр. В силу своего местоположения он делится на части, и в этом заключаются источники его величия и его трудностей» [6, с. 472–73] — справедлива, в немалой мере и в отношении многих других крупных городов Средиземноморья того периода. Впрочем, дело не в конкретных городах XVI в., а в том, что разнообразие мест в пределах городского пространства, являющееся функцией местоположения города, является источником как роста города, так и его упадка.

При этом экономика городов, прежде всего крупных городов XVI в. (добавим — и XXI в.), — «пристанище предприимчивого и агрессивного капитализма, готового вовлечь в свою орбиту и использовать целый мир». Причем даже в том случае, когда эти города были частью тех или иных государств. И причина такого союза была обусловлена тем, что хотя городская экономика играла роль движущей силы, но в свою очередь даже независимые в политическом отношении города нуждались «в опоре и в пространстве территориальных государств» [6, с. 465].

Обратим внимание читателей на следующее обстоятельство: безотносительно к тому, в каком историческом периоде анализируются экономические структуры и протекающие в них процессы, совсем нелишне определиться с границами этих структур. При этом, чем больше временной горизонт прогноза, тем больше внимания следует уделить анализу почти неизменных (по сравнению с собственно экономическими структурами) физико-географических структур (природных зон, физико-географических стран и районов).

¹ Речь идет в первую очередь о концепции абстрактного экономического пространства П. Перру и социального пространства П. Бурдьё.

ЕДИНСТВО ЭКОНОМИЧЕСКОЕ

Вторая часть – «Коллективные судьбы и универсальные сдвиги» – это анализ экономических процессов в пределах того территориального образования, которое воспринимается как «Средиземноморье» и которое было выделено на основании физико-географических и социальных факторов. В первом параграфе – «Пространство, враг номер один» – находим следующее положение: «Расстояние нельзя рассматривать как постоянную, раз навсегда заданную величину, оно может увеличиваться и уменьшаться в десятки и сотни раз. ...Главное – это большой разброс длительностей по отношению друг к другу; он приобретает *структурное значение*. Современные революционные изменения средств передвижения не только чрезвычайно ускорили его, они устранили ту неопределенность, которая раньше была связана с действием природных стихий, и это тоже важно» [7, с. 22–25]. К этому можно добавить лишь то, что, во-первых, прогресс на транспорте хотя и привел к снижению неопределенности, но не отменил ее; во-вторых, пространственные структуры коммуникаций, раз возникнув, обладают большой длительностью.

Из дальнейшего развития темы: «Люди могут вступать в борьбу с пространством... но пространство, оказывая им пассивное сопротивление, берет свое, невзирая на эти временные успехи. ...Переломные изменения наступают лишь в конце XVIII столетия» [7, с. 36]. Из этого следует, что существуют разные этапы борьбы человека с пространством. Есть периоды, когда человеком посредством качественных изменений в средствах передвижения на определенный момент времени избавляется от «проклятия географии», но есть периоды, когда пассивное сопротивление пространства приводит к попятному движению.

Действительно, если брать только Средиземноморье, то сеть транспортных коммуникаций (как сухопутных, так и морских), начало которой было положено еще в эпоху Александра Македонского и которая достигла расцвета во времена Римской империи, действительно создала новое качество экономического пространства. Связность производящих и потребляющих регионов, скорость и безопасность перемещения грузов и людей, наличие разнообразных форм экономических институтов создали Римский мир. Однако с падением Западной Римской империи налицо попятное движение: дорожная сеть пришла в расстройство, города пришли в упадок, рынки сжались до локальных размеров, масштабы обменов и использование монеты в этих обменах резко сократились.

При этом происходит фрагментация экономического пространства. Приведем немногие свидетельства в пользу этого тезиса, позаимствовав их из работы П. Буассонада: «От Испании V в., по словам летописца Идация, осталось «только имя» [10, с. 36]. О том, до какого уровня деградации дошли

города, можно судить по тому факту, что «...во времена римского папы Григория I Великого (590–604 гг.) в Риме было всего 50 тысяч жителей – в 12 раз меньше, чем когда-то» [10, с. 38]. И коль упомянули Рим, то будет уместным привести фрагмент из монографии А. Гийу: «Римский дукат, земля легендарной плодородности, после эпохи римлян уже был степью без деревьев, которой пользовались пастухи Аббруцы и Сабины для того, чтобы пасти свои стада зимой» [11, с. 39].

Очевидно, следует согласиться с Ж. Ле Гоффом, который считал, что «первой жертвой развала античной торговой системы стали римские дороги. Средневековые дороги, которые появились позже, с материальной точки зрения были не столько дорогами, сколько путями» [19, с. 29]. А так как дороги стали путями, или по-русски направлениями, то неудивительно, что быстрое и безопасное передвижение товаров стало невозможным. Поэтому и «коммерческая деятельность сузилась до простой торговли продовольствием и предметами первой необходимости. Крупномасштабная внутренняя и внешняя торговля, которая так блестяще развивалась во времена империи, теперь не могла существовать» [10, с. 38–39].

В конечном счете «упадок городов и большой торговли привел к раздробленности Запада» [19, с. 13–14]. К этому следует добавить, что в раннем Средневековье происходит не просто ослабление связей между отдельными территориальными экономическими образованиями, но меняется качество этих связей. Тому есть объяснение: земля стала фактически единственным видом капитала, а ее продукция служила средством обмена, причем обменные операции практически свелись к меновой торговле, так как деньги стали редкостью, а кредитование фактически прекратилось.

Другой аспект фрагментации и аграризации экономики и экономического пространства: смена приоритетов в сетях транспортных коммуникаций. Ж. Ле Гофф, в частности, отмечает: «Коль скоро наземные дороги перестали пересекать пустынные пространства, функционировали лишь природные пути, т. е. судоходные реки. По этой причине перестроилась, тяготея к речным артериям, вся система анемичного сообщения в раннее Средневековье, и в то же время стала перекраиваться география городов...» [19, с. 29]. Конечно, это вовсе не означает, что реки до того времени не использовались как транспортные коммуникации¹.

Но был еще один пространственный аспект фрагментации, на который обратил внимание Ф. Бродель: «Средиземноморье поделено на множество наполовину замкнутых хозяйственных зон ...Количество их впечатляет. ...Наличие множества таких зон, больших и малых, но всегда слабо вовле-

¹ Так, Ф. Бродель отмечает, что «уже в римскую эпоху (а скорее всего и раньше) вниз и вверх по Роне плавали челноки и грузовые лодки» [9, с. 239].

ченных в денежное хозяйство, характерно не только для Средиземноморья. В Германии, на берегах Балтики, в Ревеле, в Эстонии, Финляндии наблюдается такая же и часто более ярко выраженная картина» [7, с. 52–55]. И все же, несмотря на то, что натуральное хозяйство в пределах таких локальных хозяйственных зон – идеал и необходимость, «рынок находит лазейки и в самых закрытых хозяйственных системах» [7, с. 55]. И можно предположить: лазейки, которые находил рынок, были в немалой степени обусловлены разницей потенциалов между развитыми и отсталыми в экономическом отношении регионами. «Каждый город, даже самый блестящий ...снабжается главным образом за счет своих окрестностей в радиусе 30 км. Таким образом, самая динамичная экономика взаимодействует с самой консервативной» [7, с. 56].

Здесь можно было бы продолжить перечень примеров, иллюстрирующих, с одной стороны, тезис о том, что динамика территориальных систем имеет не линейный, а циклический характер, а с другой – что в рамках территориальных систем всегда имеются структуры разного уровня зрелости, которые вполне успешно взаимодействуют друг с другом.

Но Ф. Броделя интересует не только локальный уровень организации экономического пространства; его интересует вопрос: есть ли возможность построения модели средиземноморской экономики? Модели, благодаря которой появилась бы возможность сравнения Средиземноморья с другими «хозяйственными мирами»¹.

И здесь начинается, возможно, самое интересное: алгоритм разработки модели и работы с ней. В отличие от многих современных эконометристов Ф. Бродель вначале отвечает на вопрос: располагаем ли мы количественными характеристиками, достаточными для конструирования единой, всеобъемлющей модели экономики Средиземноморья?

Далее происходит детальный анализ состояния отдельных отраслей средиземноморской экономики, начиная с ее главной отрасли – сельского хозяйства. Оказывается, что, хотя объемы морских перевозок зерна составляли около миллиона центнеров, эта цифра была смехотворно мала, так как не превышала 0,8% от общего потребления в регионе [7, с. 96].

Далее идет не менее детальный анализ других отраслей экономики: промышленности, финансовой сферы, торговли и транспорта. В результате выясняется, что «единой модели упадка нет. Такую модель можно реконструировать в каждом отдельном случае на основании изучения базовых структур данного общества» [8, с. 426].

¹ Придет время, и Ф. Бродель найдет для «хозяйственных миров» в другой трехтомной работе «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» [3–6] не только другой термин, а именно: «мир-экономика», но и сформулирует концепцию мирохозяйственного анализа.

Иначе говоря, вынося суждения относительно динамики той или иной экономической системы, а тем более относительно ее кризиса, упадка, деградации и т. п., необходимо отдавать себе отчет в том, что для начала следует понять общий ход эволюции не только той или иной системы, но и образующих ее, в конечном счете, структур, в том числе структур, имеющих пространственную выраженность.

Пытаясь кратко зафиксировать свою позицию в отношении «Средиземноморья» в целом, авторы единодушно пришли к выводу, что сказать лучше, чем это сделал Л. Февр, вряд ли удастся: «Это не книга, которая учит. Это книга, которая заставляет расти» [23, с. 186].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оправдался ли прогноз Л. Февра? Даже многочисленных исследований французских экономистов-пространственников (Ф. Перру, Ж. Будвиля, К. Понсара, А. Липеца, Ф. Айдало) вполне достаточно для утвердительного ответа на этот вопрос, хотя влияние идей Ф. Броделя вовсе не ограничивается Францией. Однако вовсе не случайно Франция оказалась той страной, «...где богатая традиция политической географии и исторической школы «Анналов» через какое-то время породила множество исследований, в основе которых лежало пространство» [17, с. 70]. Ф. Бродель в «Средиземноморье» не только сформулировал и продемонстрировал возможности геоистории как методологического подхода к исследованию пространства экономики, но и наметил возможные направления его развития.

Во-первых, это представление о многомерности временных ритмов истории человеческого общества в целом и экономики, в частности. И в этой связи по-прежнему актуально звучат слова Ф. Броделя: «Различие медленно и стремительно протекающих исторических процессов, структуры и конъюнктуры остается предметом спора, который далек от завершения. Необходимо классифицировать эти процессы с учетом их взаимосвязи, но не предпринимая заранее, что те или иные из них управляли другими. Прежде всего необходимо идентифицировать их, сгруппировать, сопоставить друг с другом» [8, с. 428].

Во-вторых, введение понятия «время большой протяженности», которое предполагает введение в анализ экономических процессов и систем «медленно текущей истории», «постоянных характеристик истории», причем не только средиземноморской, «существующих как бы вне времени». А это, в свою очередь, предполагает, что «необходимо постепенно выстраивать новую экономическую историю, основанную на учете проявлений этого движения и этой неподвижности, с которыми мы без конца сталкиваемся в жизни» [8, с. 427].

В-третьих, отказ от «чистой» описательности текущих процессов и явле-

ний и восстановление известного равновесия между исследованием не только настоящего, но и прошлого. И эта принципиальная позиция Ф. Броделя была им озвучена в предельно четкой и недвусмысленной форме: «...исследования проводятся во временном интервале, ограниченном, с одной стороны, 1945 г., а с другой — настоящим моментом, к которому планирование и прогнозы могут прибавить несколько месяцев, в лучшем случае — лет. Я смею утверждать, что все ограничения во времени сдерживают развитие экономической мысли. Экономисты стали жертвой привычки служить самым непосредственным нуждам и современным правительствам» [2, с. 130].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Браун Е. Школа Анналов — «Новая историческая наука» // *Анналы экономической и социальной истории. Избранное*. М.: Территория будущего, 2007. С. 7–26.
2. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая деятельность // *Философия и методология истории*. М.: Прогресс, 1977. С.115–142.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. I. Структура повседневности: возможное и невозможное. 2-е изд. М.: Весь Мир, 2006. 622 с.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. II. Игры обмена. М.: Прогресс, 1988. 632 с.
5. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. III. Время мира. М.: Прогресс, 1992. 680 с.
6. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: Ч. I. Роль среды. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
7. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: Ч. II. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М.: Языки славянской культуры, 2003. 808 с.
8. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: Ч. III. События. Политика. Люди. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
9. Бродель Ф. Что такое Франция? В 2 т. Т. I. Пространство и история. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1994. 406 с.
10. Буассонад П. От нашествия варваров до эпохи Возрождения. Жизнь и труд в средневековой Европе. М.: Центрополиграф, 2010. 382 с.
11. Гийу Г. Византийская цивилизация. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 545 с.
12. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 328 с.
13. Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 501–541.
14. Гуревич А.Я. Фернан Бродель, певец Средиземноморья и «времени большой длительности» // Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: Ч. III. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 508–535.
15. Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А., Украинский В.Н. Школа Анналов и ее вклад в исследование экономического пространства // *Ойкумена*. 2011. № 3. С. 55–72.
16. Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры. История географических идей. М.: Прогресс, 1988. 672 с.
17. Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // *Логос*. 2003. № 6(40). С. 67–116.
18. Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии. СПб.: Евразия, 2010. 224 с.

19. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс, 1992. 376 с.
20. *Минакир П.А., Демьяненко А.Н.* Общественное развитие: междисциплинарное взаимодействие пространственных проекций // *Пространственная экономика*. 2011. № 4. С. 124–134.
21. *Минакир П.А., Демьяненко А.Н.* Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // *Пространственная экономика*. 2010. № 2. С. 6–32.
22. *Семенов П.П.* Общий обзор // *Россия в конце XIX века*. СПб., 1900. 1–56 с.
23. *Февр Л.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II // *Февр Л. Бои за историю*. М.: Наука, 1991. С. 176–186.
24. *Hexter J.H.* Fernand Braudel and the Monde Braudélien // *The Journal of Modern History*. 1972. Vol. 44. Pp. 480–539.
25. *Lepetit B.* Espace et histoire. Hommage a Fernand Braudel // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 1986. № 6. Pp.1187–1191.

ERNAND BRAUDEL AND FORMATION OF GEOHISTORICAL METHOD IN THE STUDY OF ECONOMIC SPACE

A.N. Demyanenko, L.A. Dyatlova, V.N. Ukrainsky

Demyanenko Alexander Nikolaevich – Doctor of Geography, Professor, Chief Researcher. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: demyanenko@ecrin.ru.

Dyatlova Lyubov Aleksandrovna – Ph.D. in Geography, Associate Professor. Pacific National University, 136 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680035. E-mail: demyanenko@ecrin.ru.

Ukrainsky Vadim Nikolaevich – Senior Lecturer. Pacific National University, 136 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680035. E-mail: schtirl@pochtamt.ru.

The essay analyzes the part of the scientific extensive heritage of F. Braudel which is devoted to formation of geohistorical method as a methodological platform that allows realization of the idea of interdisciplinary synthesis in the study of economic space. The very name of the method contains a direct reference to the synthesis of geographical and historical approaches to the study of society and economy. For its part, the introduction of geographical approaches in the framework of interdisciplinary synthesis involves not only the introduction of space in the analysis of economic phenomena, but also the inclusion of geographical environment. That in turn requires consideration of extension in time during the analysis of spatial economic systems because temporal rhythms are usually ignored by economists in view of their duration. At the same time, neglect or time constraints hindered and keep hindering the development of economic thought. The authors paid special attention to analysis of the matter of the monograph «The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II» which is a landmark work both for historical and economic sciences as it pioneered the substantiation of the geohistorical method.

Keywords: F. Braudel, geohistory, geohistorical method, economic space, spatial economics, interdisciplinary synthesis, Mediterranean.

REFERENCES

1. Braun E. School Annals – «New Historical Science». *Annals of Economic and Social History*. Moscow, 2007, pp. 7–26. (In Russian).
2. Braudel F. History and Social Science. The Historical Activities. *Filosofiya i Metodologiya Istorii* [Philosophy and Methodology of History], Moscow, 1977, pp.115–142. (In Russian).

3. Braudel F. *Material Civilization, Economy and Capitalism, the XV–XVIII Centuries*. Vol. I. Structure of Everyday Life: the Possible and the Impossible. Moscow, 2006, 622 p. (In Russian).
4. Braudel F. *Material Civilization, Economy and Capitalism, the XV–XVIII Centuries*. Vol. II. Game Sharing. Moscow, 1988, 632 p. (In Russian).
5. Braudel F. *Material Civilization, Economy and Capitalism, the XV–XVIII Centuries*. Vol. III. The Time of the World. Moscow, 1992, 680 p. (In Russian).
6. Braudel F. *Mediterranean Sea and the Mediterranean World in the Age of Philip II: Part I. The Role of the Environment*. Moscow, 2002, 496 p. (In Russian).
7. Braudel F. *Mediterranean Sea and the Mediterranean World in the Age of Philip II: Part II. Collective Fate and Universal Shifts*. Moscow, 2003, 808 p. (In Russian).
8. Braudel F. *Mediterranean Sea and the Mediterranean World in the Age of Philip II: Part III. The events. Policy. People*. Moscow, 2002, 552 p. (In Russian).
9. Braudel F. *What is France?* Vol. I. Space and History. Moscow, 1994, 406 p. (In Russian).
10. Boissonade P. *From the Invasion of the Barbarians to the Renaissance. Life and Work in the Medieval Europe*. Moscow, 2010. 382 p. (In Russian).
11. Guilloux G. *Byzantine Civilization*. Ekaterinburg, 2007, 545 p. (In Russian).
12. Gurevich A.Ya. *Historical Synthesis and School «Annals»*. Moscow, 1993, 328 p. (In Russian).
13. Gurevich A.Ya. Lessons of Lucien Febvre. *Battles for the History*. Moscow, 1991, pp. 501–541. (In Russian).
14. Gurevich A.Ya. Fernand Braudel, Singer of the Mediterranean and the «Long Duration of Time». *Mediterranean Sea and the Mediterranean World in the Age of Philip II: Part III. The events. Policy. People*. Moscow, 2002, pp. 508–535. (In Russian).
15. Demyanenko A. N., Dyatlova L.A., Ukrainsky V.N. School «Annals» and its Contribution to the Study of the Economic Space. *Oykumena – Ojkumena*, 2011, no. 3, pp. 55–72. (In Russian).
16. James P., Martin G. *All Possible Worlds: A History of Geographical Ideas*. Moscow, 1988, 672 p. (In Russian).
17. Kiting M. New Regionalism in Western Europe. *Logos – Logos*, 2003, no. 6 (40), pp.67–116. (In Russian).
18. Le Goff J. *Middle Ages and Money: an Essay Historical Anthropology*. Saint-Petersburg, 2010, 224 p. (In Russian).
19. Le Goff J. *The Civilization of the Medieval West*. Moscow, 1992, 376 p. (In Russian).
20. Minakir P.A., Demyanenko A.N. Social Development: Interdisciplinary Interactions of Spatial Projections. *Prostranstvennaya Ekonomika – Spatial Economics*, 2011, no. 4, pp. 124–134. (In Russian).
21. Minakir P.A., Demyanenko A.N. Spatial Economics: the Evolution of Approaches and Methodology. *Prostranstvennaya Ekonomika – Spatial Economics*, 2010, no. 2, pp. 6–32. (In Russian).
22. Semenov P.P. Overview. *Russia at the Late XIX Century*. Saint-Petersburg, 1900, pp. 1–15. (In Russian).
23. Febvre L. Mediterranean Sea and the Mediterranean World in the Age of Philip II. *Battles for the History*. Moscow, 1991, pp. 176–186. (In Russian).
24. Hexter J.H. Fernand Braudel and the Monde Braudelien. *The Journal of Modern History*, 1972, vol. 44, pp. 480–539.
25. Lepetit B. Space and History. Tribute to Fernand Braudel. *Annals. Économies, Sociétés, Civilisations* [Economies, Societies, Civilizations], 1986, no. 6, pp.1187–1191.